
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 316.3

ВЕРОЯТНОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В.В. Попов, Б.С. Щеглов, М.В. Лойтаренко, Ю.Н. Усатова

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: vitl_2002@list.ru

В статье рассматриваются особенности исторического процесса с позиции современной социосинергетики с учетом категорий вероятности и случайности. Особое внимание уделено факторам стабильности и нестабильности в историческом развитии. Показывается роль фактора темпоральности в трансформациях социального развития. Демонстрируется альтернативность исторического развития и особенности его оценки. Рассмотрение случайности и вероятности с позиций сложных социальных систем предполагает корреляцию между частями сложной системы, находящейся не только в самоорганизации, но и саморазвитии.

Ключевые слова: социальная синергетика, фактор темпоральности, социальное противоречие, социальная трансформация, нелинейное развитие, стабильность и нестабильность в историческом развитии.

PROBABILITY AND ACCIDENT IN CONTEXT OF POSTNONCLASSICAL DISCOURSE

V.V. Popov, B.S. Scheglov, M.V. Loytarenko, Yu.N. Usatova

Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University
E-mail: vitl_2002@list.ru

The article considers features of historical process from a perspective of sociosynergetics with regard to categories of probability and chance. Special attention is given to factors of stability and instability in historical development. The role of factor of temporality in transformations of social development is shown. Alternative of historical development and specifics of its assessment are demonstrated. Consideration of probability and chance from position of complex social systems assumes correlation between parts of the complex system that is not only self-organized but self-developed as well.

Key words: social synergetics, the factor of temporality, social conflict, social transformation, nonlinear development, stability and instability in the historical development.

Актуальность исследования вероятности и случайности имеет давнюю философскую традицию, однако и в настоящее время не прекращаются дискуссии относительно природы, сущности, онтологического статуса вероятности и случайности. При этом активное обсуждение проходит и в

естественных наук. Реально в современной философской и социально-философской литературе существует значительное количество определений вероятности и случайности. В них имеется и нечто общее, и специфическое для каждого определения.

В современных философских школах и направлениях, в исследованиях различных авторов философской и естественнонаучной литературы выделяют ряд пониманий и подходов, а также определений категорий случайности и вероятности. При этом в контексте подобных подходов естественно рассматриваются самые различные аспекты и даже оттенки случайности и вероятности, но, с другой стороны, системный подход к любым категориям предполагает то, что в рамках разнообразных подходов будут находиться некоторые общие моменты, которые дадут интегральные представления о них, в данном случае – категориях случайности и вероятности.

Исследование вероятности и случайности в историко-философском контексте показало, что парадигмальные изменения в их понимании происходили при переходе от классической к неклассической и далее к постнеклассической науке. Соответственно кардинальные изменения происходили в категориальном аппарате науки. Однако констатируем, что исследование подобных изменений проходит недостаточно активно в современном научном познании, что оказало негативное влияние на изучение сущности, содержания и основных характеристик вероятности и случайности. Особенно это характерно при переходе исследования в область нелинейной реальности.

Научная новизна исследования понимания случайности и вероятности в постнеклассическом дискурсе, прежде всего, связана с теми переменами, которые произошли в рамках научного знания. Новая постнеклассическая картина мира, основанная на нелинейном его представлении, показала, что в рамках описания реальной действительности нелинейность предполагает введение в научный оборот специальной терминологии, которая отражает реальные процессы, характерные для нелинейного видения мира, а именно самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы, т.е. произошло радикальное революционное изменение мировоззрения, когда в рамках представления философской картины мира началось переосмысление тех процессов, которые происходили в рамках трансформации реальной действительности и стали связываться не с причинно-следственными отношениями, а с взаимодействиями, в основе которых лежат случайные, нестабильные, спонтанные связи, т.е. именно те связи и взаимодействия, которые характерны для нелинейного создания научной картины мира.

Рассмотрение случайности и вероятности с позиций сложных социальных систем предполагает, что в исследовании определенной истории самоорганизации сложных социальных систем реализуются не только какие-то локальные ситуации, в которых проявляется характер случайности и вероятности, но действуют и другие принципы, например, дальнедействующий порядок, рассматриваемый с позиции корреляции между частями сложной системы, находящейся не только в самоорганизации, но и саморазвитии. При этом сущность и содержание подобных принципов разработаны в недостаточной мере. «Недостаточная разработка концептуально-методологических принципов анализа современного российского общества как

сложной саморазвивающейся системы, отсутствие четко разработанного семантического аппарата, отражающего специфику и перспективы его развития, обусловило приоритетное внимание к исследованию проблемы оценки социально-исторических процессов в контексте нелинейной методологии. Для раскрытия данной проблематики необходимо обосновать выбор именно нелинейной методологии в данном контексте и ответить на следующие вопросы: Каковы особенности нелинейных концепций социально-исторического процесса и общественного развития? В чем их отличие и преимущество перед линейными концепциями?» [2, с. 192].

Цель исследования: раскрыть роль и особенности вероятности и случайности в социальном развитии. Методологическую и теоретическую основу работы составляют общеполитические методы и принципы исследования, т.е. единства логического и исторического в социальном познании, системности, историзма, единства конкретного и абстрактного, всесторонности, социально-политические методы: историко-ретроспективный, сравнительно-исторический, моделирование и аналогия.

Как показывает современная постнеклассическая наука, категория вероятности, как и категория случайности, в рамках многомерного понимания современной реальности относится к системе динамических категорий, с помощью которых наиболее точно представляются существующие связи и отношения между людьми, социальное и историческое развитие, различные сегменты истории, в которых социальный субъект приобретает, интерпретирует и воспроизводит исторические знания или рассматривает исторические события, их движение, реализацию, переход к будущему. При этом В.В. Попов отмечает, что «В данном направлении вполне уместны исследования, связанные с построением модельных конструкций, раскрывающих механизм нестабильных ситуаций в социальной структуре социальных процессов с точки зрения их преодоления в социальном времени с учетом его альтернативности в будущих сценариях» [3, с. 8].

Категории случайности и вероятности рассматриваются в постнеклассической науке с позиции их приоритетной роли в динамических системах, способных дать адекватные представления не только о преобразованиях и трансформациях, которые претерпевает современный социум, но и относительно тенденций и альтернатив, путях социального развития в будущее. Предполагается использование различных моделей, представляющих сценарии социального развития, что позволяет исследовать проективную и прогностическую стороны деятельности человека.

В нелинейном мире наличие уровней и иерархий в подходе к случайности и вероятности позволяет установить не только субординационные отношения в рамках определенной системы, в которой эти понятия используются, но и наметить связи, касающиеся корреляции случайности и вероятности с другими понятиями, концептами и категориями. Подобные исследования приводят к рассмотрению перехода от систем сложных к системам саморазвивающимся и самоорганизующимся и соответственно к сфере постнеклассической науки. Так, В.В. Попов и Б.С. Щеглов отмечают: «Актуальность исследования понимания случайности и вероятности в постнеклассическом дискурсе, прежде всего, связаны с теми переменами, которые произошли в рамках научного знания» [4, с. 2559].

В истории развития философской мысли существовали различные подходы и представления об идеях случайности и вероятности и это не случайно, так как подобные идеи обычно связаны с теми или иными философскими школами и направлениями, которые по отношению к вероятности и случайности относились с учетом тех представлений о социальном бытии, о человеке, о становлении социума с позиции именно конкретного философского направления. Проблема существовала издавна и можно отметить, что не только в рамках историко-философской мысли ученые заговорили о случайности и вероятности, которые понимались и как идеи, как концепции, как категории. Но в данном случае утверждать, что, например, в древней Греции стали складываться какие-то системные представления о идеях вероятности и случайности, видимо, не стоит. В этой связи В.В. Попов и М.В. Лойтаренко отмечают: «На первое место выходят проблемы кризисных периодов, нестабильных ситуаций, социальных противоречий и так далее. Более того, подобные проблемы настолько вышли на приоритетные роли, что их изучение порождает целый комплекс проблем и представляет современное человеческое общество как внутренне противоречивое и требующее очень серьезных изменений, как в теоретическом, так и в практическом смысле» [5, с. 198].

Дискурс во многом связан с тем, что идеи о случайности и вероятности рассматривали в самых разнообразных контекстах. Причем, с одной стороны, следует отметить, что эти понятия достаточно активно использовались в рамках философии, истории, ряде других гуманитарных исследований, с другой – можно прямо сказать, что данные понятия стали входить в обиход математических наук. Наконец, правомерно рассуждать и о других локальных научных исследованиях, когда вероятность и случай играли достаточно существенную, приоритетную роль. Все это показывает, что данные идеи относительно существования вероятных, случайных событий, явлений, процессов получали трактовки не только в рамках философских школ и направлений. Эти идеи, представления и понятия были сами вплетены в рамки человеческого бытия и, соответственно, в зависимости от того, какой фрагмент этого бытия рассматривался в данной конкретной ситуации, следовал вполне конкретный вывод, относительно того, как использовать случайность и вероятность, как их понимать, какие следствия следуют из принятой трактовки и т.д. История сама показывает исследователю, что однозначного подхода, однозначной ретроспективы, по отношению к случайности и вероятности вряд ли можно очертить. Единственно, что необходимо сказать вполне однозначно, что как случайность, так и вероятность прошли достаточно сложный путь от самых первых наивных и примитивных представлений об этих концептах до превращения их в рамках современной науки в философские категории, которые работают в контексте координационно-субординационных связей с другими категориями. Причем достаточно эффективно работают, особенно в динамических системах. Ряд исследовательских школ достаточно рельефно выделяет значение данных категорий по отношению к динамическим системам научного знания, к тому концептуальному и категориальному аппарату, который необходим и достаточен для корректного и адекватного отображения тех социальных и исторических процессов, которые происходят в действительности.

Стоит отметить и такой момент, что если посмотреть на развитие научного знания, науки в целом, то можно сказать, что действительно и идеи, и концепции, связанные со случайностью и с вероятностью, прошли те же этапы, как и наука в целом. Имелись свои представления о случайности и вероятности в классической науке, в неклассической науке, и наконец в существующей в настоящее время постнеклассической науке, в которой категории случайности и вероятности не только приобрели свой более богатый, более широкий, более ясный смысл, но и которые стали играть решающие значения в целом ряде фрагментов реальной действительности. По мнению В.В. Попова и Б.С. Щеглова: «Внутринаучные источники формирования постнеклассической методологии содержатся в самом неклассическом подходе, который акцентирует внимание на ограничениях, накладываемых средствами и методами познания, а также позицией самого исследователя. В соответствии с этим, позиция исследователя трактуется как встроенная в структуру исследуемого объекта, а ученый выступает не только как наблюдатель, но и как часть изучаемой реальности» [6, с. 136].

Более того, рассматривая современный мир как мир нелинейный, как мир самоорганизующихся и саморазвивающихся систем, становится понятно, почему именно случайность и вероятность выдвигаются на приоритетные позиции в рамках рассмотрения социальной действительности, которая понимается уже не с позиции исключительно необходимых и причинно-следственных зависимостей, а дискурс переносится в рамки нелинейного мира, в рамки соотношения закономерных и случайных явлений, тех или иных событий, явлений и процессов с точки зрения нелинейных процессов как в истории и философии, так и в биологии или иных науках. Следует подчеркнуть, что подобные концепты действительно привлекают внимание ученых самых различных сфер научного знания и те работы, которые существуют в настоящее время, являются определенным вкладом в общую проблему накопления серьезного материала, который бы концептуально обозначил сущность и значение случайности и вероятности, вывел бы их на приоритетные позиции, которые они и должны занимать в постнеклассической картине мира.

В этом смысле подобные рассуждения, конечно, касаются и того, что вряд ли стоит говорить о том, что вероятность и случайность получают однозначную трактовку в рамках современных философских школ и направлений. Безусловно, отличия будут существовать, тем более, что данные понятия или, на наш взгляд, лучше сказать категории – с позиции постнеклассической науки, могут в различных философских школах приобретать самые различные значения в зависимости от того, какие задачи ставит автор того или иного исследования относительно случайности и вероятности. Обратим внимание на то, что сами идеи о случайности в первоначальном виде можно отнести к тем временам истории философии, которые обычно принято называть даже не античной философией, а скорее древней философией. В данном случае это были первые попытки, которые касались во многом представлений человека о своем собственном бытии. Рассмотрение бытия в тексте древнего мира, конечно, имело определенный оттенок, а именно затруднительно говорить о том, что применялись какие-либо научные методы и использовался научный опыт. Поэтому скорее следует рас-

суждать о том, что первоначальное мнение о случайности можно связывать с желанием человека иметь представление о своей судьбе, попытаться объяснить те или иные свои желания, стремления, возможно предпосылки зарождающегося того или иного вида мировоззрения, а также вполне конкретного поведения социального субъекта в той или иной ситуации.

И все дальнейшее развитие науки показало, что представление о вероятности и о случайности во многом связывалось с тем, как представлялись перспективы человеческой жизни, т.е. вполне естественно, что самих людей волновало становление собственной жизни, волновала та судьба, которая им уготована, поэтому понятие случайности стало необходимым при рассмотрении тех или иных проблем, связанных с будущим человека. Эти проблемы так или иначе были связаны с исследованием поведения человека, и так как считалось, что раскрыв механизмы поведения человека, можно каким-то образом показать те направления, по которым будет развиваться его жизнь, и даже возможно предсказать его судьбу. В этом смысле неминуемо возникал вопрос относительно представлений о свободе воли. Этот вопрос волновал мыслителей различных эпох, различных школ и направлений и естественно, когда возникал вопрос о свободе воли человека, то неминуемо он отодвигал несколько в сторону представления о предопределенности, о необходимости того или иного сценария человеческой жизни. Поэтому, допуская свободу воли, ученые шли против достаточно жесткого детерминизма в рамках социальных процессов. Соответственно подобные явления, связанные со свободой воли, особенно в рамках средневековья, приобретали даже трагический характер, так как естественно допущение свободы воли, случая и т.д. не всегда вписывались в те представления, которые господствовали в средневековой философии.

Дело в том, что признание свободы воли не дает возможности реализовывать жесткие воздействия и те необходимые связи, которые являются необходимыми для человеческого существования. Однако, с другой стороны, если лишить человека свободы воли, то, естественно, трудно говорить о том, что возникнет какой-либо прорыв в творческих способностях человека, в осознании им своей самостоятельности в рамках творца окружающего мира в контексте тех или иных философских школ. Представления относительно случайности стали коррелировать с проблемой творческих возможностей человека и тех ценностей, которые играют для него решающую роль в рамках становления человека как личности. Не вступая в дальнейшие рассуждения относительно становления историко-философского знания относительно природы развития и понимания случайности и вероятности, отметим несколько основных периодов, связанных с развитием представлений об этих понятиях.

Скажем, что, на наш взгляд, именно в рамках Нового времени началось достаточно интенсивное введение в науку понятий вероятности и случайности. Здесь, конечно, трудно не выделить фигуру Г. Лейбница, который в рамках своей «Монадологии» достаточно интересно описал проблемы, связанные с изучаемыми понятиями. В рамках концепции предустановленной гармонии имеется ряд интересных идей и высказываний, которые, правда, не столько проливают свет на природу вероятности и случайности, сколько показывают то, что в рамках различных проблем, основанных на множе-

ственности миров, может проявляться проблема вероятности и т.д. Хотя в данном случае Лейбниц естественно выступает с позиций рационализма.

Когда на первое место выходит изучение этих понятий в рамках физики и математики, то в истории науки возникает новый этап в изучении данных понятий. Подчеркнем, что физическая наука рассматривает достаточно обширные слои самой материи, но при этом она выделяет глубину, на которую возможно проникновение человека. Поэтому на первый план выходит понятие случайности, так как оно приобретает значимость для построения того или иного структурного фрагмента материи, и от того, насколько эта случайность коррелирует с общей концепцией такого построения, можно говорить о том, что в рамках физической науки складываются относительно совершенные формы выражения человеческого знания.

Правомерно отметить, что дискурс идет о том, что физика не просто дала возможность говорить о таких совершенных формах, но и породила возможность построения научных теорий как концептуально выверенных, адекватных и возможно замкнутых и целостных систем. С точки зрения случайности это означает не что иное, как признание того, что рассмотреть случайность, проанализировать ее в рамках физической науки означает необходимость ввести случайность в контекст научной теории и тогда можно переходить к другому уровню, а именно к уровню рассмотрения законов и представлений, касающихся развитости научной теории, относительно той или иной структуры мира, конкретных явлений и процессов в рамках физики. Нельзя не отметить то, что если брать классическую механику, которая возможно выступила в качестве первоначальной теории и являлась системой замкнутой, вряд ли правомерно утверждать, что в ней была возможность для исследования случайности. Отметим, что подобная ситуация заставляет говорить о том, что случайность не имеет в данной ситуации никакой объективной основы. Отметим, что достаточно точно данную позицию выразил, например, Гольбах: «Ничего в природе не может произойти случайно; все следует определенным законам; эти законы являются лишь необходимой связью определенных следствий с их причинами... Говорить о случайном скоплении атомов либо приписывать некоторые следствия случайности – значит говорить о неведении законов, по которым тела действуют, встречаются, соединяются либо разъединяются» [1, с. 35]. Конечно, следует признать ограниченность подобной позиции, хотя для своего времени трудно обвинять Гольбаха в том, что он не понял диалектики необходимости и случайности. Однако отметим и тот факт, что следует признать некоторую ограниченность классического представления о физических процессах и эта ограниченность проявилась уже в рамках становления постнеклассической науки, перехода от неклассической науки к постнеклассической, когда достаточно активно обсуждалась сначала теория относительности, а затем и квантовая механика.

Эволюционная теория во многом также основывается на вероятностных идеях, так как концепция эволюции живого мира представляется многомерной и интегральной. Исходные представления, которые привел Дарвин, безусловно нуждаются в дальнейшем исследовании, что возможно на пути установления концептуальных связей между его основными понятиями, а именно понятиями отбора, изменчивости и наследственности.

Отталкиваясь от тех идей, которые наблюдаются в современной постнеклассической науке, идей, связанных со сложноорганизуемыми и саморазвивающимися системами, естественно вести дискурс о том, что в свое время вероятность была весьма важна и для других дисциплин, начиная с идей измерения и заканчивая конкретными науками, например, генетикой, географией и т.д. Что же касается еще одной стороны вероятности, то справедливо сказать следующее. Дело в том, что те представления, которые на протяжении достаточно долгого времени складывались относительно идей вероятности, не могли не привести к тому, что действительно вероятность рассматривалась в контексте тех или иных измерительных процедур. Поэтому в настоящее время не стоит отвергать те идеи, которые связаны, например, с вероятностной статистикой, тем более она получила достаточно интересное развитие в рамках вполне конкретных дисциплин, в том числе и социально-гуманитарных: социологии, экономике и т.д. С позиции постнеклассической науки следует рассматривать вероятность и как категорию, и ее различные оттенки в каких-то вполне локальных ситуациях, связанных с применением методов вероятности в математике, в статистике и ряде других наук, где необходимо выявить количественные или измерительные проблемы, причем свой статус философской категории вероятность, как впрочем и случайность от этого не теряют.

Более того, как показывает современная постнеклассическая наука, категория вероятности, как и категория случайности в рамках многомерно-го понимания современной реальности относится к системе динамических категорий, с помощью которых наиболее точно представляются существующие связи и отношения между людьми, социальное и историческое развитие, различные сегменты истории, в которых социальный субъект приобретает, интерпретирует и воспроизводит те или иные исторические знания или рассматривает исторические события, их движение, реализацию, переход к будущему.

Конечно, нельзя не учитывать то, что на протяжении историко-философской мысли многие ученые связывали вероятность в большей мере с количественными аспектами диалектики, возможности и действительности. Дело в том, что подобная ситуация в принципе является правильной, хотя и односторонней. Действительно, категория вероятности может вполне рассматриваться в качестве категории, входящей в триаду возможное–вероятное–действительное. Это один из тех аспектов, который и ставит данную категорию в систему других философских категорий. Хотя еще раз подчеркнем, что в современном нелинейном мире, когда на первое место вышли самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы, человекоразмерный мир требует иного представления о вероятности, о случайности в рамках новой реальности и нового постнеклассического мира. Существуют взгляды на категорию вероятности с точки зрения сопоставления как с возможностью и действительностью, так и с необходимостью. Это действительно вполне укладывается в рамки не только онтологической, но и гносеологической проблематики современной философии и социальной философии в частности, но в этом в общем-то правильном координационном сопоставлении категорий не всегда будет выполняться момент связи вероятности с категорией действительности и наоборот. Дело в том, что

подобное представление не подчеркивает ситуацию, в которой реализацию тех или иных возможностей невозможно исследовать в качестве конкретного, локального результата становления социального знания за счет увеличения его основания с помощью привлечения каких-то иных способов и методов.

В течение определенного времени в рамках социально-философской литературы предпринимались попытки определить и показать роль вероятности сквозь призму взаимосвязи случайного и необходимого. Обычно сторонники такого представления пытались выразить мысль о том, что вероятность в той или иной степени является степенью необходимого. Однако, на наш взгляд, подобное представление является необоснованным, потому что подобная ситуация возможна только в одном случае, когда имеем дело в социальном познании с такими ситуациями, когда принципиальное различие между возможностью и случайностью является несущественным, это, конечно, определенная идеализация, но такие случаи вполне возможны. Отметим, что даже тогда, когда принципиальное различие является несущественным, вряд ли стоит обращаться к выявлению роли, природы, значения той или иной категории, смешивая ее с иной категорией. В подобном случае возникает вопрос о смысле вообще введения этих категорий, их существовании в рамках определенных субординационно-координационных связей.

Существует и такой подход к категории вероятности, который, на наш взгляд, весьма неоправданно ее расширяет, сопоставляя вероятность как философскую категорию с понятием обобщения и приписывая вероятности обобщения различной степени. В данном случае происходит некоторая подмена, имеем дело с попыткой какого-то прикладного понимания вероятности и этот прикладной характер, на наш взгляд, заключается в движении в сторону математического понятия вероятности, а не отражает философскую категорию вероятности. Подобная ситуация приводит к тому, что следует сделать определенный вывод о том, что в контексте социально-философского знания определение вероятности в качестве степени реализации, допустим возможности, в определенных случаях является отражающим сущность данной философской категории, но подобные моменты не следует рассматривать, как какую-то вспомогательную роль категории вероятности, она является вполне равноправной с другими категориями в рамках осуществляемого социальным субъектом процесса познания. Конечно, исследование вероятности в настоящем социально-философском дискурсе следует осуществлять, исходя из тех глубоких преобразований, которые претерпела наука в рамках ее постнеклассического периода.

Само парадигмальное изменение показало, что многие проблемы, которые остались от классической и неклассической науки, уже в настоящее время не могут рассматриваться так, как это было раньше в связи с теми открытиями, с тем представлением о мире, которые главенствуют в настоящее время. Дискурс идет о том, что действительно новое представление о мире как о человекообразном дало возможность поставить человека как социального субъекта в центр всех преобразовательных действий в рамках социального мира, человек стал тем главным лицом, которое осуществляет не только процессы познания социума, но и изменяет его в тех или иных

направлениях и особенно тогда, когда мир подвергается трансформациям, а возможно и социальным противоречиям. Но главное заключается в том, что в рамках самой науки произошли такие изменения, которые коренным образом показали значимость ряда понятий и категорий в настоящее время, более того, эта значимость проявилась в определенной систематизации научного знания.

Так, многие концепты и понятия были не только уточнены с концептуально-семантических позиций, но и получили свое достойное место в рамках тех или иных концептуальных систем, категория же вероятности, как и категория случайности, которые в принципе не имели того значения в неклассической науке, которые они должны были иметь, вошли не просто в научные системы, а вошли в динамические системы знаний, предполагающие субординационные и координационные отношения и отражающие динамический характер развивающегося социума. В современном постнеклассическом мире на первое место вышли сложные человекообразные системы, поэтому те нелинейные процессы, которые характерны для современной картины мира, те определяющие характеристики, значимые для саморазвивающихся и самоорганизующихся систем, предполагают, что категории вероятности и случайности достаточно активно используются не только в социально-философском знании, но и в контексте знания естественнонаучного. Нельзя отрицать и тот факт, что научный подход к исследованию понятия вероятности как определенной идеи стал рассматриваться прежде всего в процессе развития теории вероятности или исчисления вероятностей и это можно отнести к XVII в. Исчисление вероятностей рассматривалось в качестве математической науки, которая связана с рассмотрением повторяющихся случайных событий. На этот момент стоит обратить особое внимание, так как речь идет о том, что инструментарий математики предполагает, что когда дискурс заходит о раскрытии, например, идеи, природы, вероятности, то в математическом языке теория вероятности будет раскрываться через события, которые характеризуются именно как случайные события и идея подобных случайных событий будет характеризовать именно такие сущности, которые имеют неопределенный исход.

В данном случае особо обращаем внимание на этот факт, так как философская трактовка понятия события вполне естественно отличается от той, которую предполагает математический язык, и заключается в том, что когда исследователь рассматривает, допустим, диалектику возможности, вероятности, действительности в социально-историческом процессе, то неминуемо столкнется с социальными, историческими событиями, коррелирующими с определенными сегментами самой структуры социально-исторического процесса. Эти сегменты могут быть не только индексированы, но и разделены на временной шкале, причем с разнесением событий как по отношению к тому или иному сегменту, так и по отношению к комплексам событий.

Результаты и выводы настоящей работы имеют практическое значение при использовании постнеклассического понимания категорий вероятности и случайности в определении направлений, тенденций и альтернатив социально-исторического развития. Они находят свое применение в области

философии, социальной философии, социологии, истории, а также в сфере естественных наук. Данные категории значимы при изучении теоретических и методологических проблем, касающихся реконструкции, моделирования и конструирования социальной реальности, социального развития и социальной структуры. Полученные выводы позволяют проводить исследования, связанные с применением синергетической методологии к социально-историческому развитию. Новую интерпретацию получает система динамических категорий социальной философии. Современное трансформирующееся общество получает возможность быть представленным в нелинейных системах.

Литература

1. Гольбах П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Хрестоматия по философии / сост. П.В. Алексеев, А.В. Панин. М., 1997. С. 407.
2. Музыка О.А., Ковтунова Д.В. Линейная (классическая) и нелинейная (постнеклассическая) концепции социально-исторического процесса: сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2012. № 11. Ч. 1. С. 192–196.
3. Попов В.В. Социальное время и альтернативы развития будущего // Философия права. 2012. № 4. С. 7–10.
4. Попов В.В., Усатова Ю.Н., Щеглов Б.С. Вероятность и случайность в нелинейном развитии // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. С. 2559–2563.
5. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Социальная нестабильность в информационном обществе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 198–199.
6. Попов В.В., Щеглов Б.С. Постнеклассическая реальность как формирование новой философской парадигмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 2 (37). С. 136–139.
7. Popov V.V., Scheglov B.S. Postnonclassical picture of the world as a factor in the knowledge society // Proceedings of the 4th International Academic Conference «Applied and Fundamental Studies», St. LOUIS USA, 2014. P. 103–108.
8. Popov V.V. Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches. Stuttgart, 2013. P. 126–129.
9. Popov V.V. Methodological features of social contradictions // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. Vienna, 2014. P. 215–219.
10. Popov V.V. Social rationality and global evolutionism // European Applied Sciences. Stuttgart, 2013. № 7. P. 71–73.
11. Popov V.V. Development of the modern theory of rationality // The journal «International journal of applied and fundamental research». Munchen, 2013. P. 92–94.

Bibliography

1. Gol'bah P.A. Sistema prirody, ili o zakonah mira fizicheskogo i mira duhovnogo // Hrestomatija po filosofii / sost. P.V. Alekseev, A.V. Panin. M., 1997. P. 407.
2. Muzyka O.A., Kovtunova D.V. Linejnaja (klassicheskaja) i nelinejnaja (postneklassicheskaja) koncepcii social'no-istoricheskogo processa: sravnitel'nyj analiz // Fundamental'nye issledovanija. 2012. № 11. Ch. 1. P. 192–196.
3. Popov V.V. Social'noe vremja i al'ternativy razvitija budushhego // Filosofija prava. 2012. № 4. P. 7–10.
4. Popov V.V., Usatova Ju.N., Scheglov B.S. Verojatnost' i sluchajnost' v nelinejnom razvitii // Fundamental'nye issledovanija. 2013. № 10. P. 2559–2563.

5. *Popov V.V., Lojtareno M.V.* Social'naja nestabil'nost' v informacionnom obshhestve // *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. 2014. № 4. P. 198–199.
6. *Popov V.V., Shheglov B.S.* Postneklassicheskaja real'nost' kak formirovanie novoj filosofskoj paradigmy // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2012. № 2 (37). P. 136–139.
7. *Popov V.V., Scheglov B.S.* Postnonclassical picture of the world as a factor in the knowledge society // *Proceedings of the 4th International Academic Conference «Applied and Fundamental Studies»*, St. LOUIS USA, 2014. P. 103–108.
8. *Popov V.V.* Rationality and freedom: inconsistency of discourse in modern science // *European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches*. Stuttgart, 2013. P. 126–129.
9. *Popov V.V.* Methodological features of social contradictions // *Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives*. Vienna, 2014. P. 215–219.
10. *Popov V.V.* Social rationality and global evolutionism // *European Applied Sciences*. Stuttgart, 2013. № 7. P. 71–73.
11. *Popov V.V.* Development of the modern theory of rationality // *The journal «International journal of applied and fundamental research»*. Munchen, 2013. P. 92–94.